

Понсон дю Террайль Пьер Алексис де

**Духовное завещание:
Роман**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д95

Д95 **дю Террайль Пьер Алексис де П.**
Духовное завещание: Роман / Понсон дю Террайль Пьер Алексис де – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 355 с.

ISBN 978-5-519-79000-0

ISBN 978-5-519-79000-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Господину Дантю,

Любезный другъ!

Посвятить своему издателю первое свое сочиненіе наивно.

Написать его имя въ оглавленіи сороковаго при-
ятно, когда этотъ авторъ похожъ на васъ.

Наши дружественныя отношенія какъ между из-
дателемъ и авторомъ начались давно; въ насто-
ящее время — время несправедливыхъ критиковъ,
въ которое нѣсколько столько же наивныхъ какъ
и раздраженныхъ людей предпринимаютъ противу
издателей крестовый походъ, я считаю за счастье
представить вамъ доказательство моего уваженія
и дружбы.

Преданный вамъ

Понсонъ дю-Террайль.

Парижъ, 22 мартъ
1867 г.

Таки мѣ образомъ онъ обходилъ грязь и берегалъ свои изъ толстой бумажной матеріи, панталоны, приподнятыя до коленъ.

Итакъ, лошадка бѣжала, за нею слѣдовалъ бѣгомъ Бигорнь, а молившійся священникъ прерывалъ молитву и шепталъ: въ самомъ дѣлѣ какъ безмѣрно тянется эта дорога. Бигорнь, услышавъ это странное размышленіе, отвѣтилъ ему:

— Это, батюшка, отъ того, что намъ хочется скорѣе пріѣхать. Идетъ дождь, дуетъ вѣтеръ и къ этому еще холодно; это три основательныя причины для того чтобы дорога показалась длинною.

— Не правда твоя, не по этимъ причинамъ; я спѣшу туда, потому что тамъ нѣбуютъ нужду во мнѣ.

— Вамъ очень хорошо извѣстно, возразилъ Бигорнь, который иногда свободно говорилъ съ своими настоятелями, — вамъ очень хорошо извѣстно, что Метивьера не смертельно больна. У нее лихорадка, вотъ и все. Но кто у насъ не пмѣетъ лихорадокъ отъ Орлеана до Гіена. среди этого проклятаго лѣса, въ которомъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою стоитъ вода и медленно отравляется на солнцѣ.

— Бигорнь, другъ мой, сказалъ съ кротостію священникъ, — священнику должно навѣщать своихъ прихожанъ во время ихъ болѣзни.

— Они лучше, ворчалъ Бигорнь, предпочитавшій чашку супу въ теплой избѣ, — послали бы за докторомъ.

— Доктору нужно заплатить сорокъ су за визитъ.

— А вамъ ничего не нужно платить, батюшка. Клянусь званіемъ ризничаго, это несправедливо. Какъ только приходскій священникъ исполняетъ обязанность доктора и лечитъ больныхъ, почему не платить бы ему?

— Потому что священникъ живетъ отъ алтара, а не отъ медицины, возразилъ приходской священникъ.

И въ то же время онъ ударилъ хлыстомъ лошадку, которая побѣжала проворнѣе.

— Если ты находишь что я ъду очень скоро, прибавилъ онъ, обращаясь къ Бигорию, — сядись сзади меня. Не въ первые Коко везти двоихъ.

— Очень благодарю, сказалъ рязничій. — Когда ѣдешь на лошади, то очень болтаются кишки. я предпочитаю бѣжать, несмотря на то что меня называютъ Бигоринъ Рязничій.

Лѣсная тропинка оканчивалась перекресткомъ, который называется Восемь-Дорогъ.

По срединѣ его возвышался сѣрый столбъ увѣнчанный двойнымъ крестомъ изъ дощечекъ, шириною въ одинъ футъ. Днемъ легко можно было прочесть на дощечкахъ названіе каждой тропинки, расходившейся отъ перекрестка. Но въ такую темную ночь, какъ была эта, священникъ дюваль остановилъ свою лошадь и колебался.

— Намъ слѣдуетъ повернуть направо, батюшка, сказалъ Бигоринъ. — Смотрите вотъ и лѣсная сторожка бригадира Лебутье.

Священникъ полуобратился на сѣдлѣ и увидѣлъ красноватое зарево, блестящее вдаль. Онъ прищипнулъ лошадь и побѣжалъ быстрѣе. Бигоринъ побѣжалъ за нимъ и чрезъ четверть часа священникъ съ рязничіемъ были у сторожки.

Дымъ поднимался надъ кровлею, а въ оба окна видѣнъ былъ яркій свѣтъ разложеннаго огня.

Безъ сомнѣнія бригадиръ былъ за столомъ съ женою и обоними мальчуганами, на которомъ стояло фрикассе изъ кролика и горшокъ того бѣлаго вина, которое собирается на берегу Луары и которое пахнетъ кремомъ не болѣе не менѣе какъ Рейнскій иль.

Бигоринъ вдохнулъ и пробормоталъ сквозь зубы:

— Въ самомъ дѣлѣ, я голоденъ какъ волкъ.

У священника былъ тонкій слухъ; онъ вновь повернулся на сѣдлѣ и сказалъ:

— Бигоринъ, если ты усталъ и голоденъ, то и побѣди одинъ. Ступайте къ бригадиру, онъ дастъ вамъ поужинать.

— Ахъ, батюшка, отвѣтилъ растроганный Бигорнь, — вы знаете что съ вами я отправлюсь на край свѣта. Только и подумалъ... такъ какъ у Метивьеры только лихорадка, вы могли бы зайти къ бригадиру погрѣться немного и отдохнуть съ четверть часа.

— Хорошо, съ четверть часа, сказалъ священникъ, — по болѣе ни минуты.

— Да наградить васъ Богъ, батюшка, сказалъ Бигорнь — и даже мнѣ кажется что онъ сейчасъ васъ вознаградить.

— Какъ? спросилъ священникъ, смѣясь.

— Лебутё долженъ знать въ лѣсу дорогу, которая вдвое ближе къ Метивьерѣ. Онъ укажетъ намъ ее.

Священникъ засмѣялся и слѣзъ съ лошади.

Въ это время Бигорнь постучалъ въ дверь. Самъ бригадиръ отворилъ дверь.

— Ахъ! батюшка, сказалъ онъ, не выказывая удивленія, такъ были известны благотворительные поступки священника, — въ прекрасную погоду пожаловали вы!

— Ужасная погода, дорогой бригадиръ, сказалъ священникъ, — а Бигорнь до того промокъ, что я не могъ отказать ему погрѣться нѣсколько минутъ.

Бигорнь уже стоялъ у камина.

Лошадка же осталась на дорогѣ и стояла съ покорностію лошади доктора, привыкшей стоять у дверей безъ привязи.

Жена и двое дѣтей сторожа успѣли встать.

— Здравствуйте Лебутё, сказалъ священникъ, — здравствуйте малютки; ужинайте и не беспокойтесь для меня.

— Развѣ вы не отужинаете съ нами, батюшка? скромно спросилъ бригадиръ.

— Нѣтъ, друзья мои, сегодня постъ, я поужинаю дома. И отказываясь онъ взглянулъ на Бигорня.

Бигорнь взглядомъ пожиралъ дымившееся на столѣ блюдо. Священникъ сжался.

— Бигорнь, сказалъ онъ, — я позволяю тебѣ, если ты голоденъ, съѣсть кусокъ.

— Ахъ, ей Богу! Это бѣдный Бигорнъ, сказалъ бригадиръ грубо и благосклонно, — возьми товарищъ, стулъ....

Священникъ взялъ стулъ и поднимъ рясу, открытую спереди раньше когда онъ ѣхалъ верхомъ на лошади, сѣлъ на него верхомъ предъ огнемъ, въ положеніи, которое шло болѣе военному нежели священнику.

Тотъ кто бы сталъ внимательно наблюдать священника и ризничего, былъ бы пораженъ контрастомъ.

Священникъ былъ высокъ, широкоплечъ, хорошо сложенъ, несмотря на бѣлые волосы. Его румяное лицо было безъ морщинъ. Можетъ быть ему было шестьдесятъ лѣтъ; но взоръ его сохранялъ всю энергію юности. Жестъ его былъ проворенъ; походка немного свободна. Взаимъ этого рѣчь его была кротка, улыбка благосклонна, почти родительская.

Бигорнъ, ризничій, былъ толстощекий паренъ съ рыжими волосами и краснымъ носомъ. Былъ ли онъ горбатымъ или просто изуродованъ, хромъ или хромоногъ, при первомъ взглядѣ трудно было его заглянуть. Спереди у него грудь была вздута; сзади шея была вдавлена въ плечи; когда онъ шелъ, то чрезвычайно разваливался; когда онъ бѣжалъ, то непременно тащилъ одну ногу.

Священникъ воспиталъ его.

Сначала Бигорнъ былъ крылошаниномъ, а потомъ со временемъ сдѣлался ризничимъ, что не препятствовало ему быть обжорою, лѣнивымъ и наконецъ... но священникъ привязался къ нему, какъ привязался къ своей лошади, къ своимъ прихожанамъ, къ своему священническому дому, который община не исправляла; къ своей служанкѣ Нанонѣ, къ своей собакѣ Фанору и къ своему скромному огороду, котораго расположеніе было до того дурно, что Бигорнъ, несмотря на свои дарованія къ садоводству, не могъ обвить горошкомъ тычинокъ, не развести спаржи.

Бигорнь пожиралъ свою порцію ужина у бригадира.

Свищенникъ обувшій хорошіе кожаные длинныя сапоги, поставилъ ихъ предъ огнемъ для того чтобы высушить и въ то время какъ Бигорнь подкрѣплялъ свои силы, бригадиръ отвелъ лошадь подъ навѣсъ и задалъ ей горсть луцерны.

— Лебутѣ, сказалъ священникъ, — Бигорнь утѣряетъ, что у васъ должна быть въ окрестностяхъ кратчайшій дорога, ведущая прямо къ Метивьерѣ.

— Да, батюшка, сказалъ бригадиръ — и я укажу вамъ ее; она въ половину короче.

— Такъ вы ѣдете къ Метивьерѣ? спросила жена сторожа.

— Да, милая. Она все болѣетъ.... мнѣ даже сказали что ей хуже.

— Все обрушилось разомъ, грустно произнесъ сторожъ. — Бѣдная женщина много перенесла горя со смертію мужа. Г-нъ Сень-Жюльенъ не оставитъ ее у себя. Срокъ договора оканчивается и къ тому одна женщина....

— Да, одна съ четырьмя дѣтьми, сказала г-жа Лебутѣ и кромѣ того долги. Мужъ мой ходилъ въ замокъ; онъ видѣлъ Сень-Жюльена и просилъ его за Метивьеру; но это такой странный человекъ г-нъ Сень-Жюльенъ, онъ соблюдаетъ только свои интересы.... онъ не позволитъ задолжать ни одного су.

— Ну, Бигорнь, въ дорогу! Не останешься ли ты за столомъ какъ Санхо-Панчо, на котораго ты походишь обжорствомъ.

Бигорнь проглотилъ послѣдній стаканъ, вздохнулъ и съ сожалѣніемъ взглянулъ на огонь пылавшій въ каминѣ.

Бригадиръ взялъ фонарь для того чтобы посвѣтить священнику, который дружески потрепавъ обоихъ мальчугановъ, пожелалъ спокойной ночи женѣ сторожа и направился къ навѣсу.

Лебутѣ держалъ одною рукою лошадку, другою фонарь.

— Ахъ! капитанъ, сказалъ онъ, въ то время какъ свя-

щенникъ проворно сѣлъ на сѣдло, — напрасно вы сдѣлались священникомъ, вы все-таки ѣздите верхомъ какъ коренной гусаръ, которымъ вы когда-то были.

— Тшеш! сказалъ священникъ. — Не станете пробуждать уснувшихъ воспоминаній.

И онъ колѣномъ прижать свою чалую лошадку, которая чрезъ удило дожевывала луцерпу.

ГЛАВА II.

Кто была Метивьера?

Бѣдная вдова, бѣдная мать, имѣвшая двоихъ малютокъ и для ихъ пропитанія небольшую фермочку, которую арендовала отъ полящика г-на Сентъ-Жюльена. Ее называли Метивьерою, по имени ея мужа, который назывался Іосифомъ Метивьеромъ. Іосифъ умеръ прошлею весною съ горя и нужно сказать: когда крестьянинъ имѣшивается въ спекуляціи и нововведенія, онъ увлекается при этомъ гораздо сильнѣе записнаго промышленника. Іосифъ Метивьеръ былъ зажиточный крестьянинъ, почти богатый; у него было около тридцати тысячъ франковъ. Когда онъ женился, его считали лучшею партией. Къ несчастію ему захотѣлось вести громадное земледѣльческое предпріятіе съ небольшимъ капиталомъ. Онъ нанялъ много фермъ, удобрилъ мергелемъ, осушилъ, завелъ образцовые плуги и задолжался. Это тянулось пять лѣтъ. Для того чтобы вести экспериментальное земледѣліе, чуждое рутины, необходимо имѣть значительные капиталы, которые позволяютъ выжидать сборъ первыхъ и часто долгихъ усилій. Іосифъ Метивьеръ заарендовалъ тогда бѣдную, небольшую ферму около тридцати десятинъ Лягушечью Лужу, получившую это названіе отъ болота, на берегу котораго стояло эксплуатаціонное зданіе.

Лягушечья Лужа была расположена за лѣсомъ, въ пустынной и чрезвычайно скучной мѣстности. Лихорадка здѣсь появлялась въ концѣ сентября и продолжалась до проливныхъ дождей.

Два года, бѣдный разоренный земледѣлецъ боролся съ несчастіемъ. Къ тому уныніе, горести, сроки платежей, съ которыми нужно было встрѣчаться, недоярка аренды и лихорадка, покончили его жизнь — онъ умеръ оставивъ жену, еще молодую, и двое дѣтей, изъ коихъ старшему было едва шесть лѣтъ, это къ жентѣ Іосифа Метивьера, Метивьерѣ какъ ее называли, спѣшигъ, на своей лошади, приходскій священникъ.

Сельскій фанторъ сказалъ ему, что бѣдная женщина страдала лихорадкою и была очень больна. По этому простому извѣщенію, старый священникъ отправился въ дорогу, какъ пзвѣстно, въ такое ужасное время.

Когда приходскій священникъ и ризничій Бигорнъ, отправившіеся по лѣсной тропинкѣ, указанной бригадиромъ Лебутѣ, прибыли въ Лягушечью Лужу, внутренній видъ этой небольшой фермы былъ ужасенъ.

Вдова Метивьера, сидѣвшая у слабого огня, дрожала въ лихорадкѣ. Оливъ ребенокъ спалъ, положивъ голову на колѣни матери. Это былъ младшій. Старшій дѣлавшій сознаніе о болѣзни матери плакалъ, протягивая къ ней руку, кроткими слезами.

За столомъ, единственнымъ въ этой комнатѣ, потому что въ Лягушечьей Лужѣ была только одна комната въ нижнемъ этажѣ, служившая кухней и спальнею, двѣ другихъ особы ѣли скудное кушанье: тарелку супу изъ бобовъ и немного сухаго сыра. Одна была дѣвушка четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, которую называли Тордю, пасшая гусей. Другой уже старый крестьянинъ извозчикъ и земледѣлецъ, потому что онъ былъ единственнымъ слугою изъ мужчинъ, оставшійся у вдовы для работъ.

Когда священникъ вошелъ, на блѣдныхъ губахъ Розы Метивьеръ появилась улыбка.

— Ахъ! сказала она, сложивъ руки. — Богъ никогда не оставляетъ бѣдныхъ людей.

Спавшій ребенокъ проснулся и поднялъ большіе удивлен-

ные глаза на священника, другой подбѣжалъ къ нему и почтительно поцѣловалъ его руку. Роза хотѣла встать, но она была до того слаба, что упала на стулъ.

Священникъ превратился на время въ опытнаго врача, то-есть челоѣка, который тридцать лѣтъ боролся, безъ науки и безъ диплома съ тою скрытною болѣзнію, которую называютъ лихорадкою и почти всегда съ успѣхомъ. Онъ осмотрѣлъ больную, вставилъ ее показать себѣ языкъ, который былъ бѣлъ; пощупалъ ее пульсъ, которой былъ зорю и наконецъ сказалъ:

— Время горячки прошло, послѣдуетъ дрожь. Вамъ надо лечь, милое дитя. Я же привезъ вамъ лекарство. Это питье нужно принимать ложками, три раза въ день. Черезъ двое сутокъ лихорадка пройдетъ.

Роза взглянула на него съ меланхолическою и грустною улыбкой.

— Буду ли я чрезъ двое сутокъ въ состояніи работать? сказала она.

Священникъ возвелъ глаза къ небу, какъ будто вопрошалъ его.

Въ этомъ столь естественномъ вопросѣ болѣной заключалась цѣлая поэма: поэма бѣдности и отчаянія.

Священникъ отвѣтилъ грубымъ голосомъ:

— Не хотите ли вы опять заболѣть?

— Ахъ это потому, съ кротостію отвѣтила Роза, — что у меня много работы, добрый батюшка.

— Вамъ помогутъ, отвѣтилъ аббатъ Дюваль.

— Добрая Метивьера, сказалъ тогда Бигорнь, стоявшій до этого почтительно за священникомъ, — батюшка пораньше отслужитъ обѣдню, а я у васъ дня два поработаю.

— Ты молодецъ, Бигорнь, сказалъ священникъ.

— Представьте, батюшка, возразила больная, чрезъ двадцать дней наступитъ декабрь, а мы еще не вымолотили ни одного гаряца овса. Нужно же заплатить господину.

— Я повидаюсь съ нимъ, сказалъ священникъ.

Но Роза тихо покачала головою. Она знала что не легко тронуть Сень-Жюльена.

Крестьянинъ, служившій извозчикомъ и земледѣльцемъ, вышелъ чтобы поставить лошаду въ конюшню; хромоногая и горбатая дѣвочка, которую называли Торлю, ставила тарелки въ посудникъ, а Бигорнь стоялъ въ сторонѣ.

Священникъ взялъ стулъ и сталъ близь вдовы.

Розѣ Метивьеръ было едва двадцать шесть лѣтъ. Она была еще хороша несмотря на горе и страданія. Роза должно быть была когда-то хохотунья и беззаботная дѣвушка, а теперь бѣдная мать безъ опоры и доведенная до бѣдности и отчаянія.

— Роза, дитя мое, сказалъ священникъ, взявъ ее руку, — никогда не сгѣдуетъ отчаяваться въ милости Божіей. Онъ всегда помогаетъ страждущимъ.

— Я ничего не прошу для себя, отвѣтила бѣдная мать; — но для моихъ бѣдныхъ дѣтей.... что будетъ съ ними? Мнѣ кажется, батюшка, что я не долго останусь съ ними.... и тогда?....

— Надобно отгонять подобныя мысли, дочь моя.

— Ахъ! батюшка, сказала Метивьера, — я не принадлежу къ общинѣ и вы меня не знаете такъ какъ другихъ. Вы не знаете всего того что я перенесла.... Еслибы вы это знали....

— Вы не были счастливы съ вашимъ мужемъ? спросилъ священникъ.

Она подняла глаза къ небу.

— Онъ однако меня очень любилъ, бѣдникъ, сказала она, — но это мой отецъ пахлалъ столько зла. Да проститъ ему Богъ, моему бѣдному отцу!... но еслибы онъ возвратился на этотъ свѣтъ и еслибы онъ увидѣлъ меня такъ....

Священникъ слегка пожалъ руку больной.

— Ну, дитя мое, сказалъ онъ, — расскажите мнѣ свое горе.... Кто знаетъ? Можетъ быть я могу вамъ много помочь....